

ем в совершение преступления признаются действия различного характера лица, достигшего 18-летнего возраста, направленные на склонение несовершеннолетнего к совершению преступления и возбуждающие у него желание участвовать в совершении одного или нескольких преступлений».

2. Несмотря на конкретно указанные побуждающие действия (обещания, обман, угрозы), способами вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренными ч. 1 ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются и иные способы. Какие это иные способы, к сожалению, в законе не указано. Круг таких действий на самом деле очень широк, но юридический менталитет предполагает ориентированность на четкое указание закона.

3. Законодатель не устанавливает ориентиров, определяющих – с какого возраста ребенка можно «вовлечь» в совершение преступления. Ребенка, которому от роду два месяца, а то и меньше, невозможно «вовлечь» в силу его возраста и умственного (психического) развития, а вот использовать его при совершении преступления можно. Употребление в норме термина «вовлечение» сужает возможности правоприменителя.

4. До настоящего времени остается спорным положение о том, что если вовлекаемый на момент его вовлечения является невменяемым, т. е. в силу имеющейся у него, например, психической болезни его нельзя приобщить, втянуть или укрепить у него решимость или готовность участвовать в совершении общественно-опасного деяния или деятельности и, таким образом, подготовить его к преступному образу жизни, юридически оказываемое воздействие ничтожно, а значит, и квалифицировать содеянное как оконченное преступление по ст. 150 УК РФ не представляется возможным.

Таким образом, в очередной раз приходится констатировать, что норма, устанавливающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, сформулирована неконкретно, а в практическом аспекте сложна в применении.

Совершенствование положений ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, безусловно, будет определять обоснованность и качество приговоров по делам данной категории.

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Прокопенко И. А., Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Е. А. Реутская

Особое место среди преступлений против здоровья занимает умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК). Актуальность исследования психического расстройства как одного из признаков состава умышленного

причинения тяжкого телесного повреждения обусловлена развитием уголовно-правовой науки, современными потребностями следственной и судебной практики, а также отсутствием в уголовном законодательстве критериев определения степени тяжести психического расстройства. Понятие психического расстройства дано в Законе Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи», в соответствии с которым – это расстройство психического здоровья человека с психопатологическими и (или) поведенческими проявлениями, обусловленное нарушением функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией.

При буквальном толковании закона всякое психическое расстройство автоматически делает телесное повреждение тяжким. Но эта трактовка противоречит данным современной психиатрии, согласно которым под психическим расстройством понимается любое по глубине и продолжительности поражение психики – от наиболее тяжелых до самых незначительных, от хронических до кратковременных состояний. Квалифицирующие признаки, указанные в диспозиции ст. 147 УК, нельзя по степени тяжести соотнести с психическим расстройством, а именно с «общей утратой трудоспособности». При этом состояние, вызванное психическим расстройством, как и «общая утрата трудоспособности», сказывается на других сферах жизнедеятельности: социальной, семейной, трудовой, сексуальной и др. Изложенное обусловило необходимость выработки критериев определения степени тяжести психического расстройства, которые в белорусском законодательстве не определены, посредством выделения специальных признаков для оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства. Считаем целесообразным при определении степени тяжести психического расстройства вместо термина «утрата общей трудоспособности» рассматривать термин «дезадаптация», который понимается как возникающие вследствие психического расстройства нарушения функций организма лица в разных сферах жизнедеятельности. Термин «дезадаптация» можно положить в качестве критерия соотношения «общей утраты трудоспособности» и психического расстройства как последствий тяжкого телесного повреждения. При этом необходимо определить процентный эквивалент «дезадаптации», который влечет последствия в виде психического расстройства. Процентную степень определения степени тяжести психического расстройства должна определять специально созданная комиссия из врачей психиатров и иных специалистов области отраслевой психологии. Необходимо также определить основные положения, на которые следует опираться при вычислении определенного процента (на-

пример, 100 % – это полное неосознание реальной действительности, неориентирование в окружающей обстановке и т. д.).

Таким образом, целесообразным представляется выработка единых критериев определения степени тяжести психического расстройства, которые в настоящее время отсутствуют в белорусском законодательстве.

ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ПРИ ПРАВОМЕРНОЙ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ

Семенидо А. И., Белорусский государственный университет

Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор А. В. Барков

Объект – общественные отношения, обеспечивающие блага (интересы), социальные ценности, в неприкосновенности, укреплении и развитии которых заинтересованы государство и общество. Защищаемые интересы могут быть самыми разнообразными. В качестве благ, которые закон позволяет защищать путем применения силы, ч. 2 ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь называет жизнь, здоровье, права обороняющегося или другого лица, а также интересы общества или государства.

Важнейшими вехами в процессе эволюции перечня объектов при необходимой обороне стали Русская Правда, Соборное Уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Последнее, помимо права на защиту жизни, здоровья, свободы обороняющегося, чести и целомудрия женщины, предусматривало оборону «для защиты других, находящихся в таком же положении». С Уголовного уложения 1903 г. в законе не содержится полного перечня охраняемых благ. Законодатель того времени впервые отошел от казуальности предыдущих уголовно-правовых актов, введя в качестве объекта защиты не конкретные отношения или блага, а более привычное для нас понятие «личные или имущественные блага самого защищаемого или другого лица».

В зарубежных уголовных кодексах в части, касающейся объектов защиты от посягательств при необходимой обороне, единого подхода не наблюдается. В государствах СНГ этот вопрос разрешается формулировкой о «защите жизни, прав обороняющихся и других лиц, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства». Указание на возможность защиты публичных интересов свойственно также для некоторых социалистических и постсоциалистических стран (Болгария, КНР, Литва, Латвия, Румыния).

В УК других стран устанавливается, что защищать можно жизнь, здоровье, имущество и другие свои или чужие права. Так прописано в уголовном законодательстве скандинавских стран, Израиля, Австрии, Франции, Испании и т. д. Видимо, при конструировании норм учитывалось, что защита прав и интересов государства – понятие довольно неопределенное.